

RAMOS
FAUCHER

**Так молния, блеснув во мраке ночи,
Разверзнет гневно небеса и землю,
И раньше, чем воскликнем мы: «Смотри!» —
Ее уже поглотит бездна мрака —
Все яркое так быстро исчезает.**

У. Шекспир, «Сон в летнюю ночь»,
пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЮНОША

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАЖАВ пальцем на ладонь, Питер Паркер тут же ухватился за толстую нить паутины, вылетевшую из сопла паутиномета на запястье. Нить туго натянулась, он взмыл в воздух и понесся вперед с такой скоростью, что весь Нью-Йорк Сити внизу превратился во множество разноцветных расплывчатых пятен.

Смерть дяди была не единственной причиной, побудившей Питера встать на борьбу с преступностью в образе Человека-Паука. Ему просто нравилось все это. Летать, пикировать вниз, прыгать, подтягиваться, перескакивать с крыши на крышу, карабкаться по отвесной стене — все это было так здорово! Притворяясь обычным «среднестатистическим» Джо, он чувствовал себя точно бегун, вынужденный ходить в свинцовых башмаках. Нет, образ обычного человека не мешал ему быть самим собой — просто образ Паука предоставлял для этого куда больше возможностей.

Однако в тот вечер на душе было так тяжело из-за проблем с деньгами, что даже самые дикие взлеты, прыжки и падения не помогали расслабиться. Несмотря на остроту ума, сумевшего создать полимер, превращающийся в паутину, которой стреляли его паутинометы, несмотря на соответствующую уму силу, быстроту и ловкость, приобретенные еще школьником после укуса радиоактивного паука, Человек-Паук никак не мог отделаться от мыслей о том, что ему не удастся.

«Поверить не могу, — думал он. — Я продал скутер, но все равно не могу позволить себе пойти на какой-нибудь убогий фильм — даже на утренний сеанс за полцены! Не говоря уж об учебниках, о еде, и тем более — об аренде жилья».

Описав в воздухе огромную дугу, точно маятник, он разжал пальцы и отпустил нить. Недолгое ощущение полета — и Питер прилип к белой кирпичной стене старого, еще довоенной постройки, здания.

«Хорошо, что в квартире Гарри есть вода, не то мог бы и умереть от жажды».

Устроившись на углу карниза, он одернул маску и расправил складку, из-за которой чесался затылок.

«Мужайся, Паркер! На свете полно тех, у кого нет даже чистой воды!»

Он оглядел безмолвные здания, улицы, ярко освещенные фонарями тротуары, но не нашел ничего примечательного. Как же так? Обычно, придя в настроение поболтать, он всегда мог рассчитывать на собеседника — на какого-нибудь негодяя с напыщенным «Я уничтожу тебя!», или уличного грабителя с отвисшей челюстью: «Обалдеть! Человек-Паук!».

Но сегодня, в ночной тишине, призвать к ответу было некого — кроме себя самого.

«И что же теперь? Надеяться на то, что кто-то нарушит закон, чтобы получить шанс сделать несколько снимков для «Бьюгл»? Ну, да... что-то вроде того».

Питер внимательно прислушался — вдруг сквозь шум большого города пробьется крик о помощи? Но даже поток машин двигался легко и свободно. Осмотр района не принес ничего, кроме пары неправильно припаркованных автомобилей. Больше, насколько он мог судить, в Нью-Йорк Сити — впервые за всю его историю — не наблюдалось ни единого правонарушения.

Мало-помалу пришло время окончания последних киносеансов и театральных представлений. На тротуары выплеснулись компании друзей и влюбленные пары...

«Пора направляться домой, пока Гарри не вернулся со свидания с Эм-Джей. Не стоит соседу с подружкой видеть, как я возвращаюсь домой через окно».

Выбрав кратчайший путь, Питер понесся над громадами складов Портновского Квартала. Приземлившись на крышу одного из самых старых, он почувствовал легкую дрожь, зародившуюся в кончиках пальцев рук и ног, растекшуюся по конечностям и слившуюся в одно целое у поясницы. Паучье чутье, предупреждавшее его о близкой опасности, обычно било тревогу куда сильнее, порой заставляя его прыгнуть еще до того, как он успевал понять, откуда грозит опасность. Но на сей раз это было больше похоже на мурашки по коже от прохладного бриза, на смутную тень беспокойства.

«Мне так не терпится взяться за дело, что вскидываюсь по поводу и без... Паркер, когда ты, наконец, повзрослеешь?»

СТОЯ в одиночестве внутри обветшалого здания, восьмидесятидевятилетний Сильвио Манфреди размышлял о том, что ему уже давным-давно ни к чему — да и некуда — расти. Уличной кличкой — Сильвермэйн, то есть «Седовласый» — было сказано все. Он был главой Маггии, крупнейшего преступного синдиката в городе. Он был доминантой, альфа-самцом, и — уже не первый десяток лет — желанной добычей для тех, кому не терпелось занять его место.

При его роде занятий любое проявление слабости означало смерть. Сильвермэйн не мог позволить себе просто быть наверху — тут требовалось, чтобы это видели все и во всем, вплоть до одежды. Правильно

выбранный деловой костюм означает влияние. Правильно выбранное оружие показывает, что его хозяин умеет с ним обращаться. Вот почему он, в глубине души скучая по старой шляпе-хомбургу, темно-серому костюму в полоску и двцветным ботинкам, носил последние модели костюмов от Бриони; вот почему вместо старого доброго томми-гана всегда таскал при себе симпатичную маленькую штучку, способную выпустить 420 пуль в секунду.

К тому же, жизнь научила его чутать опасность. Поэтому, когда его поверенный, Цезарь Цицерон, адвокат с лицом мопса, начал умолять его не ходить на этот склад самому, да еще без охраны, он лишь фыркнул, раздув ноздри. Добрый совет? Ага, конечно, вот только в словах адвоката всегда есть и второй смысл. Амбициозный Цицерон, правая рука Сильвермэйна, нащупывал слабину, выискивал признаки старческой слабости в ожидании своего часа.

Но Сильвермэйн не купился на это. Городские закоулки скрывали трупы сотен лопухов, имевших глупость доверить важные дела, наподобие сегодняшней встречи, какому-нибудь лакеишке. Уж Сильвермэйн-то знал. Половину этих лопухов он отправил на тот свет сам.

Поэтому, несмотря на боли, потрескивающий при ходьбе бедренный сустав и изношенное сердце, грозившее прикончить его вернее пули наемного убийцы, Сильвио Манфреди отправился сюда сам, один, наотрез отказавшись взять с собой хотя бы одного телохранителя.

Будь это ловушкой, он бы почуял опасность.

Но минуты шли, он ждал в одиночестве, и мало-помалу холод пробрал его до костей, заставив признать, что слабину, конечно, выказывать — не дело,

однако смерть есть смерть. Рано или поздно наступит час, когда доверяться притупившимся с возрастом инстинктам станет не лучшей из идей. По пути сюда он трижды забывал адрес. А заглядывая в блокнот, в который записывал особую информацию, какую только дурак доверил бы всем этим цифровым как-их-там, едва мог разобрать собственные каракули.

Опасаясь, что у него опять трясутся руки, он вытянул руку вперед. Рука была достаточно тверда, но кожа на пальцах, когда-то способных переламывать кости, была так сморщена, что ему тут же вспомнилась бабка.

От одной мысли об этой ведьме сделалось тошно. Будь с Сильвермэйном кто-нибудь из его людей, он ударил бы его — только бы вытряхнуть из головы эти воспоминания. Когда его мать погибла, собственным телом заслонив сына от пули сицилийского мафиозо, явившегося свершить вендетту, маленький Сильвио был отослан к единственной живой родственнице. Эта старая карга никогда не была молодой, а к моменту их знакомства и вовсе окаменела, как надгробие. И ее первые слова были — точно плевок в лицо:

— Се нон фоссе пер те, миа филья сареббе анкоравиво!

«Если бы не ты, моя дочь была бы жива!»

Не в силах сжать в кулак пораженные артритом пальцы, она била его деревянным черпаком. А по ночам, думая, что он не слышит, пела себе колыбельную — мелодию, памятную ей со времен сурового детства в деревне, где выживали только шустрые и сильные, а умение выжить ценилось превыше всего.

Нам говорят: мы рождены для смерти.

«Какая чушь! — отвечу я. — Не верьте!»

Кто правду знает, никогда не станет стар:
Он пьет и пьет чудесный юности нектар!

Со временем старый деревянный черпак сломался. Тогда бабка отняла у Сильвио несколько оставшихся у матери медяков и купила новый, стальной. Через год ежедневного битья сломался и этот.

И тогда бабка, потрясая сломанным черпаком, сказала:

— Анке сарай ла миа морте!
«Ты и меня сведешь в могилу!»

И когда она, наконец, умерла от обширного инфаркта, он от души надеялся, что это из-за него.

Сильвермэйн задумался, стараясь припомнить второй куплет, но за спиной послышался кашель. Он резко обернулся. Лицо стоявшего позади было укрыто под капюшоном плаща. Должно быть, он вошел, пока Сильвермэйн был поглощен дурацкими грезами. Такой ошибки больше нельзя было себе позволять: новоприбывший уже подошел слишком близко, и Сильвермэйн не мог чувствовать себя в безопасности.

— Ты опоздал, — не показывая удивления, усмехнулся Сильвермэйн.

Вошедший едва ли не пренебрежительно пожал плечами под ярким желто-зеленым плащом. Вероятно, его костюм должен был отвлечь внимание от лица, скрытого под слишком просторным капюшоном лишь частично.

Голос его звучал басовито и хрипло, определить по нему возраст оказалось затруднительно.

— По улицам прошел слух, будто ты приведешь с собой компанию. Мне требовалось убедиться, что ты один.

Манфреди изобразил обиду на лице.

— Думаешь, я стал бы нарушать слово?

В ответе презрение прозвучало яснее ясного:

— Судя по тому, что я знаю о твоём прошлом, ты до сих пор жив не в последнюю очередь потому, что держал слово только тогда, когда это было в твоих интересах. Рад, что тебе хватило ума понять, что это в твоих интересах и на сей раз.

Сильвермэйн едва заметно улыбнулся и шагнул ближе.

— Твоя информация о Кингпиновом графике перевозок оказалась чистым золотом. Тебе нечего бояться Маггии, э-э... как мне тебя называть?

— Махинатор.

Чтобы удержаться от смеха, Сильвермэйн пососал зуб — и высосал из дупла кусочек курятины, застрявший там за обедом.

— Окей. Хочешь — зовись хоть Леди Гагой. Итак, теперь, когда мы знаем друг друга лучше, что я могу сделать для тебя, Махинатор?

— Вопрос, скорее, в том, что я могу сделать для тебя, — человек в плаще протянул Сильвермэйну толстую папку. — Знаю, ты предпочитаешь распечатки.

Прочсть мелкий шрифт было тяжело, но, едва разобрав заголовки, Манфреди вновь почувствовал себя молодым.

— Это же вся дилерская сеть Фиска! Правильно разыграв это, я могу разделаться с ним навсегда! — Сильвермэйн сузил глаза. — Что тебе сделал Кингпин? Убил твою милую?

— Это мое дело.

— Конечно, конечно, твое. Вот только...

Кроме всего прочего, жизнь научила Манфреди не доверять никому, не зная его слабых мест. Поэтому он, изобразив старческую слабость в коленях, кач-

нулся вперед, замышляя сорвать с головы Махинатора капюшон.

— ...Я не люблю загадок!

Однако — либо Сильвермэйн переоценил собственное проворство, либо Махинатор двигался с невероятной быстротой. Пальцы Манфреди сомкнулись в воздухе: Махинатор успел отстраниться. Сильвермэйн напружинился в ожидании контратаки, но Махинатор, едва оказавшись на безопасном расстоянии, остановился, ожидая его следующего хода.

— Это было глупо, — сказал он.

«Он прав, — подумал Манфреди, — я наверняка выставил себя идиотом. Если этот олух развяжет язык в каком-нибудь баре, слух об этом разлетится по улицам через час. И, если он дойдет до Цицерона...»

Палец Сильвермэйна дрогнул на спусковом крючке пистолета в кармане. Одной его половине хотелось расправиться с Махинатором немедленно. Но другая половина хотела сохранить источник информации о Кингпине. Как же разумнее поступить?

За нерешительностью последовал тошнотворный тягостный страх. Возникший из ниоткуда, он навалился на грудь, сдавил ее — будто невидимый слон уселся сверху. Со стоном схватившись за сердце, Сильвермэйн рухнул на колени.

Мыча от мучительной боли, главарь Маггии ударил себя в левое плечо — раз, другой, третий. Только после этого, убедившись, что сердечный приступ — не притворство, Махинатор подступил ближе.

— Помощь нужна? Может, врача?

Разозленный жалостью в его голосе, Сильвермэйн устремил взгляд слезящихся глаз вверх, в тень под капюшоном.

— Назад! Какая тебе разница, буду я жить или помру?

— Никакой, — в голосе человека в плаще вновь зазвучало презрение. — Просто хочу убедиться, что моей информацией воспользуются. Если не ты, то твой преемник.

— Преемник?! Не будет никакого преемника! Ей воспользуюсь я. А теперь иди. Проваливай. Проваливай!!!

ЗАЛ совещаний Кингпина в ухоженном офисном здании, возвышавшемся над Адской Кухней, был полон его доверенных советников и наемных мускулов. В большинстве своем мускулы знали, что здесь позволено говорить только советникам, но самому новенькому из них, недавно нанятому скуластому парню по имени Томми Татл, еще предстояло многому научиться.

— Так что ж мы здесь ищем, босс?

Сбитый с мысли, Уилсон Фиск по прозвищу Кингпин (или Большой Босс), повернулся к Томми и взглянул на него. При этом его кожаное кресло, сделанное по особому заказу, закрипело, как обшивка новоанглийских шхун. Надеясь, что гневного взгляда довольно, чтобы выразить его мысль, Фиск вновь повернулся к спроецированному на стену кадру.

— Уэсли, эта резьба прекрасна. Просто завораживает. Понятно, отчего она так увлекла тебя. Но как этот... экспонат может помочь моей организации снова подняться наверх?

— Мистер Фиск, это же карта, указывающая, где зарыт клад, ключ к величайшей тайне всех времен. Люди умирали за нее тысячелетиями, но, помимо

кое-каких диких домыслов, никто не знает точно, что это за тайна, поскольку никто не сумел найти ключ к шифру.

Ответ, очевидно, был неполон. Несомненно, этот очкарик ожидал, что его работодатель поймет все остальное сам. Эта черта Уэсли нравилась Кингпину.

— Полагаешь, что ты сумеешь?

— Речь не обо мне. Я подыскал ряд кандидатов и со всем тщанием выбрал из них одного. И его будет несложно... заполучить.

Фиск задумчиво побарабанил кончиками пальцев по подбородку.

— Где она сейчас?

— Национальный научный фонд отправлял ее во многие университеты, надеясь, что где-нибудь ее да смогут расшифровать. В данный момент она находится в Выставочном зале Государственного университета Эмпайр.

Томми опять раскрыл рот:

— Оттуда ее стырить — легче легкого. Ну, кто там у них — кучка бородатых академиков с залатанными локтями?

Несмотря на его новый проступок, Фиск не сводил глаз со скрижали. Жалкие усилия этого парня зарабатывать прозвище «Томми-Говорун» не помогали. Но этот парень чем-то напоминал жене Фиска их собственного сына, и Кингпин снова сделал вид, будто не заметил его прегрешения.

К счастью, в разговор вступил Уэсли:

— Дело в том, сэр, что колледж обеспечивает охрану силами сторонней компании — «Тек-Уолт». С виду она вполне легальна, но на деле принадлежит Маггии. В девяноста случаях из ста они работают превосходно, хотя и вынуждают хозяев держаться на-

чеку, когда по городу перевозится нечто ценное и уникальное.

Эти новости привлекли внимание Фиска.

— Продолжай.

— Насколько мне известно, Цезарь Цицерон, консильери Сильвио Манфреди, счел эту скрижаль слишком известной, чтобы она могла хоть чего-то стоить на черном рынке. Думаю, он даже ни словом не упомянул о ней Сильвермэйну.

— Но Маггия не имеет понятия, как ее расшифровать, в отличие от нас! — в глазах Фиска вспыхнули искорки. — Уэсли, ты превзошел самого себя. Я так давно искал возможность выставить их дураками! Свистнуть эту штуку из-под самого их носа — как раз то, что надо. А если эта легенда окажется правдой, в придачу нам достанется разгадка величайшей тайны мира, какой бы она ни была.

— Благодарю вас, сэр. Теперь нам нужно только...

Внезапно Уэсли умолк. Все взгляды устремились к дверям.

Кингпин обернулся, раздраженный новой поехой. Но когда он увидел, в чем дело, ярость на его лице тут же сменилась выражением детской незащищенности. Появление этой высокой, стройной женщины с безупречно черными волосами, разделенными столь же безупречно белой прядью в центре лба, было вполне уважительной причиной общего молчания его сотрудников.

— Ванесса, Любовь моя...

Ванесса Фиск ответила мужу более холодной версией его влюбленного взгляда.

— Прошу простить за вторжение...

Вспомнив о манерах (что с ним случалось нечасто), Кингпин поднялся. Под нажимом его брюха стол отодвинулся на дюйм назад.

— Нет. Тебе никогда не будет надобности просить у меня прощения.

Она собиралась коснуться его, но в последний момент сдержалась.

— Я старалась дождаться, но почувствовала, что вот-вот сойду с ума. Я только что разговаривала с одним из бывших одноклассников сына. Он сказал, что Ричард, отправляясь на лыжный курорт, выглядел подавленным, и я никак не могу перестать тревожиться о нем.

Их интимный разговор не удивил никого. Кингпин и его жена часто держались так, будто говорят наедине — не оттого, что остальной мир ничего не значил для них, а просто потому, что они обладали властью, достаточной, чтобы на время отодвинуть его в сторонку.

Кингпин умоляюще улыбнулся жене.

— Разве теперь каждый недоучка из колледжа — дипломированный психолог? У тебя такое большое сердце — я ведь сам видел, как ты плачешь, глядя на заходящее солнце. Ричард наслаждается отдыхом, вот и все — и думает о том, что обременяет всех юношей, прежде чем они вступят во взрослую жизнь.

Но немедленного ответа не последовало, и Кингпин был озадачен. Ванесса словно боролась с каким-то темным чувством — со страхом или сомнениями.

— Уилсон, не скрываешь ли ты от меня чего-нибудь?

Веки Фиска затрепетали.

— Конечно, нет, Ванесса. Я никогда не солгу тебе.

Томми-Говорун пробормотал что-то себе под нос, точно соглашаясь с этим. Фиск скрипнул зубами. Уголком глаза он отметил, что Уэсли схватил юнца за запястье и с силой сжал его.

— Как я могу быть в этом уверена, — возразила Ванесса, — когда ты так превосходно лжешь другим?

Фиска словно обожгло огнем.

— Что? Но я же люблю тебя. Ты и Ричард — самое главное, что у меня есть в жизни. Все, что направляет меня и ведет вперед..

Нахмурившись, словно не совсем удовлетворенная его ответом, Ванесса вышла. При виде ее бедер, качающихся под платьем, у Фиска заныло в груди. Ванесса смолоду была подвержена депрессии, а уж теперь в тревожном настроении и вовсе казалась серым призраком, который, ненадолго наведив мир живых, должен вновь удалиться прочь, за завесу непознанного. Он мог бы положить к ее ногам весь мир, но был не в силах вытащить жену из бездны ее собственных чувств.

В ЗАЛЕ было так тихо, что шепот Томми Татла помимо собственной воли услышали все:

— Ничего себе... Похоже, она — единственный в мире человек, которого боится сам Кингпин.

Развернувшись, как огромный глобус на оси, Фиск взглянул в глаза парня.

— Сейчас ты у меня узнаешь, что такое страх.

Он двинулся вперед, без малейшего напряжения смахнув в сторону стол для заседаний.

Когда-то Томми видел в видеозаписи атакующего бегемота и знал, насколько опасными могут быть эти неуклюжие с виду громадины. А Кингпин оказался вдвое проворнее. Однако первый удар не отправил Томми в блаженную отключку, и это позволяло надеяться, что взбучка будет не такой уж страшной.

Томми понимал, что заслужил урок. Ему сроду не удавалось держать язык за зубами.

Только после пятого удара, едва не расплющившего его широкую скулу, он понял, что Фиск нарочно держит его в сознании, чтобы охранник как следует прочувствовал каждый миг боли.

— Никто не смеет ни словом заикаться о моей жене. Никто.